

Трем моим детям: Биллу, Джону и Келли.

*Ни один отец не может гордиться
своими детьми больше, чем я горжусь вами.*

*Вы есть на свете, и благодаря этому
моя жизнь становится лучше.*

*И моей жене Джорджэнн, лучшему другу,
сделавшему все мечты осуществимыми.*

Где бы я был без тебя?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГЛАВА 1. Начните день с выполненной задачи.	11
ГЛАВА 2. Вы не справитесь в одиночку.	19
ГЛАВА 3. Важен лишь размер сердца	29
ГЛАВА 4. Жизнь несправедлива — продолжайте путь!	41
ГЛАВА 5. Неудача может сделать вас сильнее.	49
ГЛАВА 6. Будьте смелее.	61
ГЛАВА 7. Не бойтесь дать сдачи	69
ГЛАВА 8. Будьте на высоте	77
ГЛАВА 9. Давайте людям надежду.	85
ГЛАВА 10. Никогда не сдавайтесь	95
РЕЧЬ НА ВРУЧЕНИИ ДИПЛОМОВ В ТЕХАССКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	105
БЛАГОДАРНОСТИ	123
ОБ АВТОРЕ	125

ПРЕДИСЛОВИЕ

17 мая 2014 года мне выпала честь выступить на вручении дипломов в Техасском университете в Остине. Хотя это учебное заведение — моя альма-матер, я опасался, что офицер, посвятивший жизнь войне, не вызовет симпатию аудитории. Но к моему великому удивлению, меня приняли хорошо. В основу речи я положил десять уроков, которые вынес из своего обучения на базе «морских котиков». Это были самые базовые навыки — подспорье в подготовке спецназа, однако они полезны для каждого, кем бы вы ни были.

В последние три года меня останавливали на улицах замечательные люди и рассказывали свои истории: как они дали отпор акуле, как «не звонили в колокол» и как ежедневное застилание кровати помогало им выстоять в трудное время. Все они хотели больше

узнать о том, как десять уроков помогли мне в жизни и на кого я равнялся в ходе службы. Это издание — попытка ответить на их вопросы. Каждая глава чуть подробнее объясняет контекст урока и рассказывает о людях, вдохновивших меня своими дисциплиной и упорством, честью и мужеством. Надеюсь, книга вам понравится!

Глава 1

**Начните день
с выполненной
задачи**

Если вы хотите изменить мир...

сначала заправьте кровать

Казарма учебной базы «морских котиков» — невзрачное трехэтажное здание в Коронадо (штат Калифорния), метрах в ста от Тихого океана. Никакого кондиционирования. Зато ночью, когда открыты окна, слышно, как набегают на песок волны прибоя.

Обстановка внутри — спартанская. В комнате, где я жил с тремя другими новобранцами, стояли четыре койки и стенной шкаф для формы, и всё. Помню, как по утрам я вскакивал и начинал застилать кровать. Это было первой задачей дня — дня, который, как я знал, включал осмотр формы, длинные заплывы, еще более длинные пробежки, преодоление полосы препятствий и постоянное унижение со стороны командиров.

«Смирно!» — командовал староста курса младший лейтенант Дэнл Стюард, и инструктор входил в помещение. Когда старшина приближался ко мне, я сдвигал пятки и вытягивался в струнку. Строгий и черствый,

он начинал ревизию с зеленого головного убора: кепка-восьмиклинка должна быть накрахмаленной до хруста и держать форму. Его взгляд спускался сверху вниз, обшаривая каждый сантиметр формы. Выровнены ли складки на рубашке и брюках? Надраена ли до блеска бляха ремня? Начищены ли берцы так, что старшина увидит в них отражение своих пальцев? Удовлетворенный тем, что я отвечаю высоким стандартам «морских котиков», он переходил к осмотру койки.

Она была простой, как и вся комната: стальная рама и каркас. На матрас надевался наматрасник, поверх всего стелилось покрывало. Серое шерстяное одеяло, заправленное под матрас, грело в холодные вечера, случающиеся в Сан-Диего. Второе одеяло было ловко свернуто в прямоугольник у изножья. Единственная подушка, изготовленная Lighthouse for the Blind*, лежала сверху, а ее короткая сторона шла параллельно краю койки. Таким был стандарт. Малейшее отклонение вело к наказанию: окунуться в океан в полном обмундировании, после чего изваляться с ног до головы в мокром песке.

* Некоммерческая организация, занимающаяся помощью слепым и слабовидящим людям. — *Прим. ред.*

Человека, прошедшего такую экзекуцию, называли «сахарной печенькой».

Я стоял неподвижно и краем глаза наблюдал за старшиной. Он лениво разглядывал койку. Склонясь над ней, проверял, как она заправлена. Затем переходил к подушке: ровно ли она лежит на одеяле? Наконец, лез в карман, доставал монетку и несколько раз подкидывал ее, чтобы я знал: начинается последний этап осмотра. При последнем подбрасывании монетка взлетала высоко в воздух, падала на матрас, слегка отскакивала и отлетала на несколько сантиметров от койки — достаточно высоко, чтобы старшина поймал ее в ладонь.

Инструктор разворачивался ко мне лицом, смотрел в глаза и кивал. Он никогда не говорил ни слова. Хорошо заправленная койка — не повод для похвалы, а нечто естественное. Это первая задача дня, и выполнить ее было важно: она показывала, что человек дисциплинирован и внимателен к мелочам. А вечером застеленная кровать напоминала, что я сделал нечто правильное, пусть и очень маленькое, чем можно гордиться.

На всем протяжении службы во флоте застилание койки было константой и еже-

дневной опорой. Во время службы на борту USS Grayback — подлодки для спецопераций — я попал в лазарет, где были четырехъярусные кровати. Старый врач, опытный морской волк, заведовавший лазаретом, требовал застилать их по утрам. Он часто замечал: если не убирать койки и не содержать комнату в чистоте, как же моряки получат лучший медицинский уход? Впоследствии я понял: аккуратность и порядок должны присутствовать в каждой сфере армейской жизни.

Через тридцать лет в Нью-Йорке рухнули башни-близнецы. Был нанесен удар по Пентагону, и отважные американцы погибли в самолете над Пенсильванией.

Во время теракта я был дома: лечил серьезную травму, полученную при прыжке с парашютом. Ко мне в квартиру прикатили больничную кровать, и большую часть дня я лежал на спине, пытаюсь восстановиться. Сильнее всего на свете мне хотелось снова ходить. Как и каждый «морской котик», я жаждал быть в бою вместе со своими товарищами.

Когда я достаточно поправился для того, чтобы вставать без посторонней помощи,

то в первую очередь разгладил простыню, поправил подушку и сделал кровать такой, чтобы её было не стыдно показать посетителям. Тем самым я давал понять, что одолел немощь и живу дальше.

Не прошло и четырех недель после 11 сентября, как меня перевели в Белый дом. Там я провел еще два года в новообразованном Отделе по борьбе с терроризмом. К октябрю 2003 года я оказался в Ираке во временном штабе, расположившемся на багдадском аэродроме. В первые несколько месяцев мы спали на армейских раскладушках. Тем не менее каждое утро я прежде всего сворачивал спальный мешок, помещал подушку в изголовье и готовился к наступившему дню.

В декабре 2003 года американские войска арестовали Саддама Хусейна. Его держали под стражей в маленькой комнате. Он также спал на раскладушке, но располагал такими роскошествами, как простыни и одеяло. Раз в день я навещал его с целью удостовериться, что военные заботятся о нем как надо. Не без удивления я заметил, что Саддам не застилает свое спальное место. Простыни вечно валялись смятыми в изножье, и он редко приводил их в порядок.

В последующие десять лет я имел честь работать с самыми прекрасными мужчинами и женщинами, какие только рождались в нашей стране: от генералов до простых людей, от адмиралов до моряков-новобранцев, от послов до машинисток. Американцы, служившие за рубежом для защиты государства, трудились добровольно и жертвовали многим, чтобы защитить нашу великую нацию.

Все понимали: жизнь тяжела и события не всегда нам подвластны. Солдаты гибнут в бою, их близкие горюют, а будни длинны и полны тягот. Как в таких условиях не искать то, что даст утешение и силы начинать каждый новый день, позволит чем-то гордиться в этом подчас страшном мире! И это — не одна лишь схватка. А повседневная жизнь, требующая все той же организованности. Да, ничто не заменит силу и утешение, которые дает вера. Но подчас достаточно лишь застелить постель — и вы уже получите заряд бодрости на весь день и желание прожить его достойно.

Если вы хотите изменить жизнь и, быть может, мир — сначала заправьте кровать!

Глава 2

**Вы не справитесь
в одиночку**

Если вы хотите изменить мир...

найдите того,
кто поможет вам грести

На учебной базе «морских котиков» я рано усвоил ценность командной работы и необходимость выполнять трудные задачи не в одиночку. Салагам, которые надеялись стать крутыми спецназовцами, этот важный урок преподала трехметровая надувная шлюпка.

На первом этапе обучения мы, новобранцы, должны были брать ее с собой, куда бы ни пошли. Мы тащили ее на головах, когда бежали от казармы через дорогу в армейскую столовую. Мы несли ее на руках, когда бегали вверх и вниз по песчаным дюнам Коронадо. Мы бесконечно гребли на ней с севера на юг вдоль побережья и по пенистым бурунам: семь человек как единое целое, чтобы доставить ее по назначению.

Но в ходе этого путешествия на шлюпке мы узнавали нечто еще. Время от времени один из членов команды заболел и получал травму, а потому не мог действовать в полную силу. Часто меня самого изматывал день тре-

нировок. Я мог слечь с простудой или гриппом. В эти дни нагрузка ложилась на моих товарищей. Они мощнее налегали на весла. Глубже опускали их. Они делились своим пайком, чтобы я мог подкрепиться. А впоследствии, когда приходило время, я возвращал долг. Маленькая резиновая шлюпка помогала понять: никто не справится с обучением в одиночку. Никакой «морской котик» не сможет сражаться сам по себе. А если говорить более широко, нужны люди, которые протянут руку в трудные времена.

* * *

Я никогда не нуждался в помощи так сильно, как двадцать пять лет спустя, когда командовал всеми «морскими котиками» Западного побережья.

Я был коммодором 1-го полка войск специального назначения в Коронадо. Как капитан ВМС, я имел за плечами несколько десятилетий руководства «морскими котиками» по всему миру. Я ожидал обычного парашютного прыжка, но все пошло не так.

Мы сидели на борту C-130 Hercules, который уже взлетел на высоту 3600 метров, и готовились к прыжку. Это был прекрасный

калифорнийский день. На небе ни облачка, на Тихом океане — штиль, и вот она, как на ладони (с такой-то высоты), граница с Мексикой, всего лишь в нескольких километрах отсюда.

Инструктор рявкнул: «Приготовиться!» Где-то внизу, за краем люка, расстилалась земля. Он взглянул мне в глаза, улыбнулся и крикнул: «Пошел! Пошел! Пошел!» Я вынырнул из самолета. Мои руки были раскинуты в стороны, а ноги чуть согнуты в коленях. Поток воздуха наклонил меня вперед, но взмахами рук я выровнял положение.

Я быстро проверил альтиметр*, убедился, что падаю ровно, и огляделся: нет ли когонибудь в опасной близости? А через двадцать секунд высота была уже 1600 метров. Следовало раскрывать парашют.

И тут я увидел, что прямо под меня проскользнул другой парашютист. Он был на моем пути к земле и потянул за кольцо. Я мог видеть, как вытяжной парашют извлекает из ранца камеру основного...

Я моментально прижал руки к корпусу и потянулся головой к земле, в попытке уклониться от раскрывающегося купола. Но было слишком поздно.

* Прибор, предназначенный для измерения высоты. — Прим. ред.

Чужой парашют раскрылся передо мной подобно пневматической подушке, ударив меня со скоростью 190 км/час. Я отскочил от основного купола и потерял контроль, еле сохраняя сознание после удара. Несколько секунд меня мотало, и я не мог стабилизироваться. Я не видел альтиметр и понятия не имел, далеко ли до земли.

Я инстинктивно нащупал кольцо и рванул его. Вытяжной парашют выскользнул из небольшого отделения в задней части ранца, но запутался вокруг ноги. А земля все приближалась. Я пытался выпутаться, но стало только хуже. Основной парашют частично вышел, но в процессе закрутился вокруг другой ноги.

Вытягивая шею к небу, я видел, что мои ноги опутаны длинными капроновыми стропами, которые соединяют основной парашют с амуницией на спине. Одна стропа обернулась вокруг одной ноги, а другая — вокруг другой. Основной парашют полностью выскользнул из ранца, но повис где-то на мне.

Я изо всех сил пытался выпутаться и вдруг почувствовал, как купол оторвался от тела и стал распахиваться. Взглянув на ноги, я понял, что сейчас произойдет.

Через несколько секунд купол раскрылся. Стропы, опутывавшие меня, внезапно и резко разошлись, унеся мои ноги с собой. От силы рывка пострадал таз. В нижней части туловища все разорвалось. Тысячи маленьких мышц, соединяющих таз с телом, были повреждены.

Мой рот раскрылся, и я издал вопль, который наверняка слышали даже в Мексике. Раздирающая боль отдавалась по всему телу и пульсировала волнами от таза к голове. Резкие мышечные сокращения сотрясали верхнюю часть туловища, выстреливая новой болью в руки и ноги. Я почувствовал себя вне своего тела: я осознал крик и пытался удержать его, но боль была невыносимой.

Все еще падая головой вниз, я умудрился вернуться в правильное положение, что сняло часть давления на таз и спину.

450 метров.

Я падал более 1200 метров, прежде чем сработал парашют. Хорошая новость: над моей головой все же раскрылся купол. Плохая новость: я был разорван на куски стропами.

Я приземлился километрах в трех от дрозона. За считанные минуты подоспела бригада с аэродрома и скорая помощь. Меня отвезли в травматологическое отделение больницы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru